

Все началось, как и большинство судьбоносных событий, совершенно неожиданно, поздно вечером в субботу. Я работал один в своем проектном доме, и был там только потому, что через несколько дней ожидалась дождливая и сырая погода, поэтому мне нужно было поторопиться закончить некоторые штукатурные и малярные работы до того, как это произойдет. Я ремонтировал свой дом в стиле регентства, который я купил за бесценок после увольнения из армии, чтобы доказать себе и другим, что мне не нужны деньги семьи, чтобы прожить. Прежде чем его можно было признать пригодным к сносу, в нем нужно было сделать кучу ремонта и исправлений, но я упорствовал, и местный совет решил, что если я настолько глуп, чтобы выбросить свои деньги на эту развалину, то кто они такие, чтобы спорить, отозвал свое постановление о принудительной покупке и дал мне год на то, чтобы привести его в пригодный для жилья или, по крайней мере, не опасный вид. После этого я мог думать о поиске покупателя.

Они поставили меня в положение стартера, потому что я знал, что если я не уложусь в срок и не покажу значительные улучшения в доме к этой дате, то СРО вернется обратно, они объявят здание структурно небезопасным, снесут его и выставят участок на перепланировку. Поэтому я работал как раб каждую свободную минуту, прорабатывая каждый аспект ремонта и привлекая экспертов для выполнения тех работ, которые были мне не по силам, таких как балки и перекрытия, каркасные и опалубочные столярные работы, штукатурка, ремонт каменной кладки, кровли, электрики, газа, воды и канализации.

Одной из главных причин, по которой местный совет отказался от ремонта, было то, что это здание было включено в список 2-го класса, то есть оно могло представлять исторический или архитектурный интерес, и им не хотелось иметь на руках такого дорогостоящего "белого слона".

В Англии здание, внесенное в список, защищено законом от каких-либо существенных изменений по сравнению с первоначальной конструкцией, поскольку считается, что оно имеет важное историческое, культурное или архитектурное значение. Любая внешняя реконструкция должна быть выполнена с учетом всех пожеланий, точно так же, как это было бы сделано первоначальным строителем, с использованием тех же материалов и методов строительства, и без каких-либо структурных изменений, кроме тех, которые обеспечивают дальнейшее безопасное использование здания.

Эти ограничения означали, что потенциальные коммерческие (и некоторые частные) застройщики были обременены этими оговорками, что обычно отпугивало их. С другой стороны, если бы здание просто удобно упало, они могли бы перепланировать участок с чистой совестью.

Глупый я, приехав сюда и влюбившись в потускневшее величие этого места, поставил точку в их работе, поэтому был установлен срок в один год, чтобы все исправить или убраться. Надеюсь, что после того, как здание будет полностью восстановлено и вернется к своему первоначальному великолепию, не требуя дальнейших работ, появится покупатель, который захочет жить в элегантном историческом здании.

Я был в задней комнате, с удовольствием готовясь смешать новую порцию известково-пустынного раствора, и радио составляло мне компанию, когда я понял, что стук, который я

слышу, исходит не из радиоприемника, покрытого краской и штукатуркой; кто-то стучал в дверь в три часа ночи, я посмотрел на часы. WTF? У меня не было соседей, в этом районе не было магазинов или ночных забегаловок, ни у кого не было причин находиться здесь в такое время суток, поэтому я поразмыслил, стоит ли отвечать на стук, решил пойти посмотреть, кто это, и взял с собой удобный выколочный инструмент.

Представьте себе мое удивление, когда я открыл дверь и увидел, что там стоит моя младшая сестра Джорджина, выглядящая более чем немного заплаканной и растрепанной. Когда я вытащила ее на свет, мои глаза сузились от синяка на левой скуле и заметной трещины на распухшей нижней губе. Джорджи - высокая, симпатичная, живая девушка, с огромными голубовато-серыми глазами и длинными, естественными, как у кинозвезды, ресницами, с массой иссиня-черных волос, вьющихся каскадом мягких колец по плечам, шумная и веселая. Я автоматически нахожу в себе силы использовать слово "оживленная", которое, если подумать, немного напоминает киножурнал пятидесятых, но я так и не придумал лучшего слова, когда думаю о ней, но сейчас она выглядела так, будто плакала.

"Георгий, что... кто...?" Я заикался, глядя на ее израненное лицо.

"Макс, этот... жуткий ублюдок, он попробовал это на мне, мама была в отключке на диване, этот пузатый ублюдок все еще пил, когда я вошел, следующее, что я помню, это как он обнимает меня и пытается поцеловать, все эти "твоя мама никогда не узнает, это будет наш секрет, попробуй, это будет весело"; Господи, он отвратительный маленький засранец, он не переставал лапать меня, и я дал ему по коленке, следующее, что я помню, он набросился на меня. Уилл, я думаю, он и маму бил; она выглядит... по-другому, слишком много корректора, он ведет себя так, будто дом, все наши вещи, машины - это его, он властвует над всем, Уилл, ты должен вернуться домой и разобраться с ним, это плохо!"

Чертовски верно, это было плохо; в тот день, когда мама познакомила меня со своим новым так называемым бизнес-менеджером, я почувствовал нехорошее предчувствие от этого жуткого маленького мошонки; он чувствовал себя слишком дома в доме моего отца, в МОЕМ доме; он слишком вольно обращался с винным погребом и машинами моей семьи. Мама казалась очарованной этим маленьким пятном, а мне хотелось только одного - вытащить его за дверь и засунуть ногу ему в задницу. Но мама казалась такой счастливой от присутствия этого жуткого маленького трахаря, что я сдержался; похоже, он действительно преследовал ее интересы, по крайней мере, сначала, по крайней мере, ей так казалось. Изменения, которые превратили его из работника в хозяина дома, происходили так медленно, так незаметно, что никто из нас не замечал темпа перемен.

Поначалу я не слишком беспокоилась: мама была жестким, непримиримым представителем своего поколения, попытка натянуть шерсть на глаза обычно приводила к откусыванию руки, так что я не слишком волновалась, и, похоже, Макс ей действительно нравился. Она все еще была красивой женщиной, может быть, Макс и она...? Как бы мне ни было жутко от этой мысли, она была взрослой, вполне способной справиться с проблемами, если это было так, то это был ее выбор, так что я позволила спящим собакам лежать.

Впервые я узнал о смене режима, когда домработница, которая была не просто работником, она была членом семьи, позвонила мне, чтобы сообщить, что ее уволили. Мне было трудно

понять или даже поверить в это; миссис Киннисон, которую мы с Георгием всегда знали как "тетю Кей", была экономкой с тех пор, как мой отец был мальчиком, она помогала растить моего отца, и она была там, чтобы приветствовать ее в тот день, когда мой отец привез свою новую невесту домой, и помогала растить меня тоже. Когда мама потеряла отца, тетя Кей была ее главной поддержкой, а когда мама снова вышла замуж, когда я была совсем маленькой, она приняла в семью своего нового мужа, моего отчима.

Они с мамой были закадычными подругами на протяжении почти тридцати лет, поэтому отпускать ее не имело никакого смысла.

Теперь, видимо, Макс решил, что она им не нужна, и она ушла, а я не могла понять, как мама могла допустить это: Тетя Кей была предана маме так же, как моему отцу и отчиму, и была важной частью семьи, а не просто случайным работником.

Я приструнила Макса, напомнив ему, что он не глава семьи, а работник, такой же, как человек, который чистит водостоки и разгребает дерьмо в конюшне, и если ему не нравится персонал, который был там задолго до того, как его дряблый живот и уродливая рожа появились в дверях, он может уйти, вот дверь, не дай бог ему удариться о нее. Он пошел со слезами к маме, и она меня переубедила, а Макс ухмылялся.

Мне также очень не нравилось, как он подмазывался и подлизывался к Георгию. Она только что закончила университет, окончив Роэмптон с хорошим дипломом 2.1 по философии, политике и экономике, как раз в то время, когда я вышел в отставку после четырех лет службы в своем полку. Она жила с подругой, взяв год перерыва, чтобы отдышаться, немного повеселиться и насладиться молодостью, прежде чем искать работу. Казалось, Макс всегда был рядом с ней, когда она возвращалась домой, всегда готовый начать с ней разговор, касаясь ее руки, ее плеча, кладя руку ей на спину, когда он говорил с ней, "очаровывая" ее своим остроумием и житейским умом, и это пугало ее.

Я всерьез подумывал о том, чтобы, рискуя навлечь на себя мамин гнев, просто свалить этого ублюдка на ступеньки портика и смыть то, что от него осталось, с лестницы в сточную канаву, но Георгий заверил меня, что она справится с таким низкорослым жирным гадом, как он, с завязанными глазами.

В то же время мамино пьянство, которое никогда не было более чем социальным, и уж точно никогда не было заметным раньше, внезапно, казалось, усилилось; каждый раз, когда я разговаривал с ней, она казалась не в себе, и когда она начинала рассказывать мне о жизни дома, внезапно Макс освобождал ее от телефона и после нескольких отрывистых слов вешал трубку.

Сначала я думала, что мама разберется с ним по-своему; она была грозной в полном полете, почти силой природы, и люди, которые пересекались с ней, очень скоро начинали жалеть, что не заткнулись и не остались дома в тот день.

Теперь она была почти незаметна, просто тень прежней себя; казалось, что она полностью

подчинена этому боковому змею. На самом деле, я уже почти решил разобраться с этим склизким куском сала раз и навсегда, но тут раздался поздний ночной стук и моя дорогая младшая сестра с синяками на лице, которые ей поставил этот низкорослый придурок.

Насколько мне было известно, он не собирался больше бить женщин, не после сегодняшней ночи.

Георгий посмотрел на меня и схватил меня за руку.

"Нет, Уилл, уже три часа, разберись с этим утром, у меня болит лицо, и я не хочу возвращаться туда прямо сейчас..."

<http://erolate.com/book/1051/26140>